

Тувинский фольклор и литература о промысловой охоте тувинцев

Шенне В. Монгуш

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Елена М. Куулар

Институт развития национальной школы Министерства образования Республики Тыва, Российская Федерация

В статье рассматривается роль промысловой охоты в традиционной культуре тувинцев и её отражение в тувинском фольклоре и литературе. Охота анализируется не только как ключевая отрасль хозяйственной деятельности, обеспечивавшая выживание семей и родовых общин, но и как важнейший элемент экологической и духовной культуры народа. Особое внимание уделяется ритуальным аспектам охоты, включая подношения духам, благодарственные обращения к хозяину тайги, а также табу и эвфемизмы в охотничьей лексике, связанные с мифологическими представлениями о природе.

Авторы проводят систематизацию наиболее характерных упоминаний об охоте в различных жанрах тувинского фольклора (мифы, легенды, благопожелания) и произведениях тувинских авторов. Анализируются тексты, в которых охота предстает как постоянное и важнейшее занятие главных героев, а также описываются традиционные ритуалы и нормы, направленные на сохранение баланса между человеком и природой. В статье приводятся примеры фольклорных сюжетов, где охота сопровождается обращениями к духам, соблюдением табу, а также проявлением уважения к животным и окружающей среде.

Подчеркивается, что образы и мотивы охоты глубоко интегрированы в устное и письменное наследие тувинского народа, отражая их мировоззрение, экологические установки и культурные ценности.

Ключевые слова: охота; тувинцы; тувинский фольклор; тувинская литература; тувинская культура

Для цитирования:

Монгуш Ш. В., Куулар Е. М. Тувинский фольклор и литература о промысловой охоте тувинцев // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 55-68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.4>

Монгуш Шенне Вадимовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9В. Эл. адрес: shenne2242@mail.ru

Куулар Елена Мандан-ооловна — кандидат филологических наук, доцент, директор ГБНУ Министерства образования Республики Тыва «Институт развития национальной школы». Адрес: 667001, Россия, г. Кызыл, ул. Рабочая, д. 2. Эл. адрес: kuular-e-m@mail.ru

MONGUSH, Shenne Vadimovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 9B, Mongusha Sata St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: shenne2242@mail.ru

KUULAR, Elena Mandan-oolovna, Candidate of Philology, Director, Institute for the Development of National School of the Ministry of Education of the Republic of Tuva. Postal address: 2, Rabochaya St., 667001, Russia, Kyzyl. E-mail: kuular-e-m@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0062-3331

ORCID: 0000-0002-4351-6547

Tuvan folklore and literature about commercial hunting of Tuvans

Shenne V. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation,

Elena M. Kuular

Institute for the Development of National School of the Ministry of Education of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article examines the role of commercial hunting in the traditional culture of the Tuvans and its reflection in Tuvan folklore and literature. Hunting is analyzed not only as a key sector of economic activity that ensured the survival of families and clan communities, but also as a vital element of the people's ecological and spiritual culture. Special attention is given to the ritual aspects of hunting, including offerings to spirits, words of gratitude addressed to the master of the taiga, as well as taboos and euphemisms in hunting vocabulary related to mythological concepts of nature.

The authors provide a systematization of the most characteristic references to hunting found in various genres of Tuvan folklore (myths, legends, blessings) and in works by contemporary authors. The analysis considers texts in which hunting appears as a constant and essential occupation of the main characters, and traditional rituals and norms intended to preserve the balance between humans and nature are described. The article presents examples of folklore narratives in which hunting is accompanied by appeals to spirits, the observance of taboos, and the expression of respect for animals and the environment.

It is emphasized that the themes and motifs of hunting are deeply integrated into the oral and written heritage of the Tuvan people, reflecting their worldview, ecological attitudes, and cultural values.

Keywords: hunting; Tuvans; Tuvan folklore; Tuvan literature; Tuvan culture

For citation:

Mongush Sh. V. and Kuular E. M. Tuvan folklore and literature about commercial hunting of Tuvans. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 55-68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.4>

Введение

Промысловая охота имела для тувинцев важнейшее значение в их традиционной хозяйственной деятельности. Она выступала важнейшим элементом комплексного хозяйства, особенно для семей с малым количеством скота, где охота зачастую была основным источником пропитания и сырья. Охота обеспечивала пищу, шкуры и меха для одежды, материалы для изготовления предметов быта и уплаты податей, а также поддерживала экономическую устойчивость семей и родовых общин (Даржа, 2009: 340–504; Айыжы, Монгуш, 2020; и др.). Помимо этого, промысловая охота была неотъемлемой частью экологической культуры тувинцев, формировавшейся на протяжении тысячелетий. Она включала строгие природоохранные нормы, обычаи и ритуалы, направленные на сохранение баланса между человеком и природой: охотились преимущественно на взрослых самцов, избегали истребления беременных самок и молодняка, соблюдали табу и жертвоприношения духам тайги. Охотничьи угодья делились на родовые земли, а право охоты регулировалось традициями и решениями старейшин. Таким образом, промысловая охота для тувинцев была не только способом выживания и важной хозяйственной отраслью, но и частью духовной и экологической культуры, способствовавшей сохранению биологического разнообразия и устойчивому природопользованию в регионе.

Учитывая это, неудивительно, что упоминания об охоте, описание охотничьих навыков, способов ведения охоты и все, что связано с охотничьей деятельностью, нашли широкое отражение в тувинском фольклоре и национальной литературе.

Цель настоящей статьи заключается в сборе и систематизации наиболее типичных упоминаний об охоте в различных жанрах тувинского фольклора и тувинской литературе. Тем самым объектом исследования у нас являются тексты фольклора и литературы, предметом — информация об охоте в текстах.

Источниковая база исследования включает в себя тексты: фольклора — «Тыва улустун алгыш-йөрээлдери» («Тувинские благопожелания»)¹, «Мифы, легенды, предания тувинцев»², «Мифы, легенды, предания тувинцев-тоджинцев»³; литературы — произведения М. К. Мендуме «Тайганың ээзи» («Хозяин Тайги»)⁴, С. А. Сарыг-оола «Чогаалдар чыындызы» («Собрание сочинений»)⁵, «Аңгыр-оолдун тоожузу» («Повесть о светлом мальчике»)⁶, Э. Л. Донгака «Чолдак-Аңчының чугаалары» («Рассказы охотника «Чолдак-Анчы»)⁷, К.-Э. К. Кудажи «Таңды кежи» («Таежные дары»)⁸, С. С. Сурун-оола «Ак-Төш»⁹, С. О. Тамба «Амыргалаар»¹⁰. Кроме того, в ряде случаев авторы опираются на материалы полевых исследований, которые были записаны в 2019 г. в Тоджинском районе Республики Тыва у тувинца-тоджинца, коренного жителя села Адыр-Кежиг Кол Тагира Комисовича ряд ценных сведений о традиционных представлениях тувинцев.

Обзор литературы

Важность промысловой охоты в ряду традиционных видов хозяйственной деятельности тувинцев не могла быть обойдена научным знанием.

Впервые упоминания об охоте тувинцев можно проследить в трудах таких исследователей как В. В. Радлов (Радлов, 1861) и Н. Ф. Катанов (Катанов, 1903), которые заложили основу для дальнейшего изучения данной темы. Работы Ф. Я. Кона (Кон, 1936) и других ученых, таких как С. И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1961, 1972, 1991) и Л. П. Потапов (Потапов, 1969), существенно расширили понимание особенностей охоты как одного из традиционного вида хозяйствования у тувинцев.

В постсоветском тувиноведении исследования традиционной культуры тувинцев получили новый импульс для развития. В работе В. К. Даржа рассматриваются традиционные мужские занятия, в том числе охота, рыболовство, ведение хозяйства кочевников (Даржа, 2009). В книге подробно рассматриваются традиционные методы охоты, используемые тувинцами, в том числе охота на различных животных, таких как соболь, лось и другие виды диких животных (там же: 340–504).

В целом историография этнографических исследований рассмотрена в публикации Е. В. Айыжи и А. М. Монгуш (Айыжи, Монгуш, 2020).

Мы обратимся к филологическим работам. В советской филологии следует отметить в первую очередь работу З. Б. Чадамба (Чадамба, 1974). Исследуя тоджинский диалект тувинского языка, она выделяет лексику охоты как значимый пласт языка, который играет важную роль в речи таежных жителей.

¹ Тыва улустун алгыш-йөрээлдери [Тувинские благопожелания] / ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. (На тув. яз.).

² Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука. 2010.

³ Орус-оол С. М. Мифы, легенды и предания тувинцев-тоджинцев : сборник. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы». 2020.

⁴ Мендуме М. К. Тайганың ээзи [Хозяин тайги]. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1965. (На тув. яз.).

⁵ Сарыг-оол С. А. Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1988. (На тув. яз.).

⁶ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдун тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008 (На тув. яз.); Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике. М.: Современник, 1974.

⁷ Донгак Э. Л. Чолдак-Аңчының чугаалары [Рассказы охотника «Чолдак-Анчы»]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1982. (На тув. яз.).

⁸ Кудажи К.-Э. К. Таңды кежи [Таежные дары]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. (На тув. яз.).

⁹ Сурун-оол С. С. Ак-Төш. Повесть. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1991. (На тув. яз.).

¹⁰ Тамба С. О. Амыргалаар. Повесть и рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. (На тув. яз.).

В одном из сборников «Ученых записок» Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований также выходила публикация Ж. М. Юша о роли словесных охотничьих компонентов в обрядах тувинцев (Юша, 2007).

Представление об основных лексико-семантических группах названий промысловых животных и птиц, а также орудий охоты, используемых в речи жителей таежных районов Тувы, формируется на основе работ тувинских исследователей Ш. Ч. Сат (Сат, 1981), Н. Д. Сувандии и Е. М. Куулар (Сувандии, 2013, 2016a; и др.¹; Сувандии, Куулар, 2017; Куулар, 2016, 2018), в которых также рассматриваются табу и эвфемизмы в охотничьей лексике.

В. С. Салчак, Б. Б. Монгуш и Б. Баярсайхан акцентируют внимание на лексике жителей Тувы, в которой сохранились данные о культуре и традициях охоты (Салчак, Монгуш, Баярсайхан, 2010).

И. В. Кормушин и А. Ч. Ооржак анализируют семантико-этимологические, морфологические особенности названий охотничьих мешочков (Кормушин, Ооржак, 2024).

Исследованию лексико-фразеологического поля *аңнаашкын* 'охота' в тувинском языке посвящена диссертация одного из соавторов данной статьи Ш. В. Монгуш (Дамбаа)². В работе рассматриваются языковые и культурные аспекты, связанные с охотой, а также их значимость в контексте тувинской культуры. Также ряд работ исследователя посвящен описанию охоты в произведениях тувинских авторов³.

Несмотря на столь существенный задел тувиноведения, следует отметить, что отдельных работ по отражению темы охоты в тувинском фольклоре и литературе до сих пор не было. Это и обуславливает новизну нашей статьи.

Охота в фольклоре

В первую очередь следует подчеркнуть, что охота в фольклоре представлена как одно из постоянных наиважнейших занятий главных героев.

Например, в сказании о Боктуг-Кирише и его сестре Бора-Шээлей упоминается:

*Боктуг-Кириш-даа черниң аңын черге кылар,
Сугнуң аңын сугга кылар,
Эрес эр бооп өзүп келгеш,
Боду бир бажың,
Дыңмазынга бир бажың тудуп берген.
Бир айда аңын аңнаар,
Бир айда уйгузун удуур.*

‘Вырос в удалого богатыря
Боктуг-Кириш — земных животных на земле убивал,
Водных животных в воде убивал;
Один дом построил себе,
Один дом — своей сестре;
Один месяц на зверя охотился,
Один месяц сном [крепким] спал’⁴.

Эта же регулярность действий, постоянную рутину владельца хозяйства и охотника передает и другое описание из этого же сказания:

¹ Сувандии Н. Д. Лексико-семантические группы охотничьей лексики Тере-Холя // Научные труды ТувГУ. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной году экологии в Российской Федерации и году молодежных инициатив в Туве. Кызыл: ТувГУ, 2017. С. 99–101; Сувандии Н. Д. Основные лексико-семантические группы зоонимов в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6. С. 476–478.

² Монгуш Ш. В. Лексико-фразеологическое поле *аңнаашкын* 'охота' в тувинском языке: лингвокультурологическая интерпретация: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2024.

³ Дамбаа Ш. В. Использование охотничьей лексики в рассказе Салчака Тока «Бөрүлерни аңнаары» // Научные труды ТувГУ. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной Международному году Периодической таблицы химических элементов и Году человека труда в Республике Тыва Кызыл: ТувГУ, 2019. С. 31–32; Дамбаа Ш. В. Лексические средства репрезентации концепта ОХОТА в тувинском языке // Когнитивные исследования языка. № 2 (49). 2022. С. 591–594; Дамбаа Ш. В. Фразеологические средства репрезентации концепта ОХОТА в творчестве К.-Э. К. Кудажы // Когнитивные исследования языка. № 3 (50). 2022. С. 195–198.

⁴ Бокту-Кириш, Бора-Шээлей // Тувинские героические сказания / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. С. 321.

Бокту-Кириш Аян-Кулазын
 Даргададып салгаи,
 Сылдыс-Шокар аъдын мунуп,
 Айда аңнаар аңын аңнап,
 Алдын-Сараланы мунуп,
 Малың майда малдаар
 Хүрең аъдын мунуп,
 Ара эдин, арга чонун
 Айда ончалап-ончалап, маржалап.

‘Боктуг-Кириш своего Аян-Кула
 Вольно пастись отпустил,
 [Сам же] на коня Сылдыс-Шокар сядет —
 Месяц на зверя охотится,
 На золотисто-пегого коня сядет —
 Месяц скот выпасает,
 На бурого коня сядет —
 Месяц свое добро, свой народ
 Пересчитывает-исчисляет’¹.

При этом охота, как и многие занятия, была неразрывно связана с верой в существование духа тайги, к которому необходимо было обращаться с помощью в поисках добычи, получать от него благословение. Как правило, традиционную охоту тувинцев подразделяют на несколько важных этапов, в ходе которых охотники выполняли определенные действия, имеющие как практическое, так и сакральное значение (Айыжы, Монгуш, 2020).

Например, придя в тайгу на место охоты, они первым делом, зажигают костер и варят *сүттүг шай* ‘чай с молоком и солью’, а затем совершают *чажыг* ‘подношения’ *тайга-таңды ээзинге* ‘хозяину тайги — духа’ и произносят *аңчының чалбары* ‘благопожелание охотника’, в котором просят у него помощи при охоте:

Алдын таңдымдан колданып,
 Диленип келдим.
 Аъттандым, толандым.
 Аар боомну чүжктеп алгаи,
 Ая-дузаам дергилен алгаи,
 Кара хаяның баарында
 Кара казандыымны
 Паштанып алгаи,
 Аастыг амытан амзаваан
 Агы-чемим дээжизин
 Өргүп тур мен.
 Эринниг амытан эңгивээн,
 Эм-таң болган
 Шайым чажып тур мен.
 Аңнап-меңнеп келдим,
 Аң-мең аайлыг болзун².

У золотого [моего] танды,
 Просить добычу пришел [я].
 Снарядился, отправился в путь.
 Тяжелое [мое] ружье, взвалив на спину,
 Самострелы-силки к седлу приторочив,
 На передней части черной скалы
 Черный котел свой
 Поставив на огонь,
 Подношу самое лучшее из пищи,
 Которую не пробовали
 живые существа, имеющие рот.
 Животное, имеющее губу, не трогавший,
 Ставший лекарством
 Чай свой разбрызгиваю.
 Поохотиться пришел [я],
 Зверей [в моем пути] пусть много встретится³.

После удачного промысла охотники произносят слова благодарности хозяину тайги. Это общепринятый у них обычай, который призван подчеркнуть важность баланса между человеком и природой. Считается, что *тайга-таңды ээлери* как божества тайги помогают охотнику в его труде, поэтому не забыть поблагодарить их — важная часть охотничьего ритуала. Подтверждается это следующим обращением охотников к духам тайги:

¹ Там же. С. 471.

² Тыва улустун алгыш-йөрээлдери [Тувинские благопожелания] / ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1990. С. 99. (На тув. яз.).

³ Перевод выполнен Е. М. Куулар.

Аар ийинден алдым,
Бээр ийинден бердиң,
Туманга дуглавадың
Туругга чажырбадың, таңдым,
Арзагарым алган
Аксы мурнаан диве.
Чилиглимни чиген
Чилби-чазый диве.
Аксымны шимчеттиң,
Холумну үстедиң,
Кожумну долдурдун, таңдым.
Саңымны салдым.
Этти хеңмелээш,
Ээги тейледим¹.

Получил [я] из северного склона,
[Ты] дал из южного склона,
Не прикрыл в тумане [ты]
На отвесной скале не скрыл, мой танды,
Получивший [мой] зубастый [зверь]
Не говори, что я жадный
Съевший [мой] скот с костным мозгом
Не говори, что ненасытный.
Накормил [меня] досыта, [от того]
[Мои] руки от сала блестят,
Наполнил [мою] переметную сумку, мой танды.
Костер свой для окуривания зажег,
Мясо высушив взял,
Кланяюсь до земли².

Таким образом охотник выражает свое уважение и признательность своей благодатной тайге, которая *аң-меңни туман-биле дуглаваан* ‘не прикрыла зверей в тумане’ и *туругга чажырбаан* ‘не скрыла их на отвесной скале’. То есть родная земля (тайга) обеспечила возможность для успешной охоты. Можно сказать, что здесь видна взаимосвязь между охотником и природой, где каждая сторона уважает и ценит другую.

В тувинском фольклоре помимо вышеуказанных благопожеланий есть и другие жанры, связанные с охотой. Например, в мифе «Бир аңчы кижиге» (‘Один охотник’) один охотник во время очередной охоты споткнулся и упал, сломав себе бедро. Когда он без помощи лежал, ночью раздался громкий звук и в шалаш заскочил медведь и жестами просил у него помощи. Охотник понял, что ему срочно нужна помощь и выполнил его просьбу, т. е. застрелил того, от кого убегал медведь. Оказалось, это был Кара-Кула — огромное, в девять раз больше медведя, существо. Кара-Кула — злой, кровожадный и жестокий *каан*³, человек, породнившийся с обитателями Подземного (Нижнего) мира.

После этого случая медведь начал помогать раненому охотнику:

Адыг имнеп айтырган: «Чүң канчап барды?». Аңчы дөңмээн көргүскен. Бйаи чыып бергеш, кара пажынга суг узуп эккеп бергеш, от оттулуп бергеш, чоруй барган. Удаваанда адыг катап чедип келген, кижиге ышкаш оргаадай деп оът казып эккелген. Ол оътка кижиниң сынык дөңмээниң талазын айыткан. Оон бичиилеп сивирип, шайга холуп иш деп имнээн. Ол оргаадай деп оттун «дөңмээн» чонуп ижерге, дөңмээниң аарыыры чүгээр апарган. Аңчы-даа эмненип чыдып берген, адыг-даа азырап туруп берген. Аң өлүрүп эккеп бээрге, аңчы амырап чыткан. Удавайн дөңмээ эттиниң, даянгыштыг кылаштап турар апарган. Адыгның азыралы-биле аңчы-даа экирээн.

‘Медведь знаками спросил: “Что с тобой случилось?”. Охотник показал [на свое] бедро. [Медведь] дрова собрал, в черном котелке воду принес, огонь разжег [и] ушел. Вскоре медведь вернулся, растение женьшень, похожее на человека, принес. Этим растением на сломанное бедро показал. Показал знаками, [чтобы он] соскабливал понемногу, смешивал с чаем [и] пил. От “бедра” женьшеня-растения отскоблил [немного и] выпил, в бедре боль уменьшилась. Охотник лежал [и] лечился, а медведь [его] кормил. Зверей убивал [и] приносил, охотник лежал радовался. Вскоре бедро зажило, ходить, [опираясь на палку, он] стал. Благодаря заботе медведя поправился’⁴.

¹ Там же. С. 107.

² Перевод выполнен Е. М. Куулар.

³ Каан, Хаан — хан; царь; король // ханский; царский; королевский. См.: Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. 1968. С. 469.

⁴ Мифы, легенды, предания тувинцев ... С. 117.

Эта охотничья история обращает внимание на серьезную опасность, которая поджидает каждого охотника, обучает охотников терпению и осторожности во время охоты. В данном случае охота — это не просто привычное, любимое занятие, а способ преодоления трудностей и выживание.

К обычаям и традициям, которые неуклонно соблюдались в связи с охотой, относится табуирование охотничьей лексики, когда многие слова произносились иносказательно. Как отмечает Н. Д. Сувандии,

«По мифологическим верованиям тувинцев звери являлись собственностью хозяина тайги — духа. К разным зверям и птицам люди относились неодинаково, это зависело от того значения, которое имело то или иное животное. Тувинские охотники считали, что многие звери могут слышать и понять человеческую речь, поэтому они их называли условными именами, в большей степени описательными словами... охотники старались, чтобы звери и птицы раньше времени не узнали об их намерениях. Начиная с периода подготовки к охоте, охотники старались не называть зверей и птиц по их основному наименованию, не употреблять слова, называющие действия охотников по отношению к животным и птицам, а использовали эвфемизмы» (Сувандии, 2016: 139).

В благопожелании, где охотник благодарит хозяина тайги, употреблены иносказательные названия диких животных, таких как *арзагар* 'зубастые, крупные по размеру животные', *чилиглиг аңнар* 'тонкие по размеру и, имеющие костный мозг, животные', которые указывают на традицию табуирования.

Тувинский фольклор также содержит примеры того, как тувинцы придерживались экологической культуры, правил гармоничного сосуществования с природой. Например, были правила, запрещающие охоту на животных с детенышами или на тех, кто ожидает потомства. В мифе «Танды ээзиниң чагыы» ('Наказ духа-хозяйки тайги') дух-хозяйка тайги обращается к охотнику, чтоб он не нарушал народную примету (Ломакина, 2022): *Төлдүг аң өлүрүп болбас, амыдыралыңа шаптаразыннар таваржыр* 'Убьешь зверя с детенышем, в жизни встретишь всякие тяжелые препятствия', в основе которой лежит бережное отношение к природе:

— Ой! Сокса! Ол канчаарың ол, хөй уруг-дарыглыг кижиканчап бардың? Ак сүттүг, чаш төлдүг чүве атпайн чору!

— Ой! Постой! Что ты делаешь, ты же многодетный человек, что с тобой стряслось? В зверей, имеющих белое молоко и детенышей, нельзя стрелять!¹

Охотник прислушался к наставлениям хозяйки тайги, а она в свою очередь не оставила его без улова, учтя, что у него есть дети. Хозяйка тайги исполнила свое обещание и подарила охотнику своего слепого быка:

Даң хаязында, эртенги одардан улуг ыравайн чорда, ашактын баарыңа улуг сыын көстүп келген. Ужур-гаш көөрге, шынап-ла, бир караа согур, он ийи адыр мыйыстыг улуг сыын болган. Оон бээр-ле ол аңчы ак сүттүг аң, кыс чүвеге хол дегбестей берген.

'Утром, на заре, [когда маралы еще] с пастбища не ушли, перед стариком огромный марал появился. Добыв [его, он] увидел — в самом деле, с двенадцативетвистыми рогами [и] слепым на один глаз этот марал оказался. С тех пор охотник на кормящих зверей, самок руку не поднимал'².

Запрет на убийство животных с детенышами также упоминается в мифах и легендах, распространенных среди тувинцев-тоджинцев. Если охотник случайно убивает самку, он испытывает глубокое чувство вины за свои действия и долго упрекает себя в случившемся:

Өгедей-Мерген: "Оолдуг чүвеге дегбес, уялыг куштуң уязыңа дегбес даңгыраам ышкындырдым" — дээш, ыглаваан боду ыглап, сырынналып: — "Мээң-даа чораан херээм чүү боор!" — дээш, улуг ыдын соккаш, улуг кара боозун ууй эттээш, боду чүгүн чүктеп чоруй барган.

'Огедей-Мерген: "Я нарушил свою клятву — не прикасаться к зверям с детенышем, не трогать птичье гнездо". Не плакавший никогда он стал плакать и тосковать. "Зачем мне жить после этого?" — говоря, убив свою большую собаку и сломав свое большое черное ружье, сам пошел в неизвестную сторону"³.

¹ Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. С. 118.

² Мифы, легенды, предания тувинцев С. 120.

³ Орус-оол С. М. Мифы, легенды и предания тувинцев-тоджинцев: сборник. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2020. С. 23.

У тувинских охотников есть традиционное убеждение, основанное на уважении к природе и ее обитателям. Согласно этому принципу, если во время охоты на их пути встречается животное с необычными отметинами или поразительной красотой, они воздерживаются от стрельбы. В мифе «Кызыл дуяглог сын» ('Краснокопытный марал') рассказывается история охотника, которому встретился марал с многоветвистыми рогами и сверкающими красными копытами. Вспомнив наставления отца, он не стал стрелять в него:

Ийи чүс хире базым черде шыргай ыяштар аразындан хүрең-ой сыын оъттап үнүп келди. Кончуг эки чаа дуранныг мен. Топтап көргөш, караамга шуут бүзүрөвейн бардым. Сыынның мыйызы дээрге кедергей хөй адыр, шет-ле. Көрнүп келзе-ле, думчуу хан дег кызыл, мурнуу холдарын көдүргүлөп кылаштагылаан, дуяглары херелденип турар кызыл. Сыынның чогурунун дүгүнүн узуну аажок, кылаштаарга, сагланнадыр чалгып чоруур. Ындыг чараш аңны чуруктан-даа кым көргөн боор. Арай коргуп, сести-даа берген мен. Ол-ла олургаш, ачам ашактың чагыг чугаазын сактып келгеш, боомну ырадыр салгаш, аң көзүлбейн баргыже олурдум. Мындыг элдеп аң көрдүм деп улуг улуска чугаалаарымга: “Черле ындыг аңнар тургулаар, черниң ховар чүвези-дир” — деп кааннар.

Примерно в двухстах шагах [от меня] из чащи деревьев буро-буланый марал, пасясь, вышел. У меня очень хороший новый бинокль был. [Я] внимательно осмотрел [марала и] глазам своим не поверил. Рога марала очень многоветвистыми были, как молодое [хвойное] деревце. [Он] поднял морду, [она], как кровь, красная, [когда он] передние ноги высоко поднимал, копыта сверкали красным. Подшейный волос у марала [был] длинным, при ходьбе колыхался. Такого красивого зверя даже на картине никто не видел. [Я] слегка испугался, заробел. Там сидя, [я] наказ, рассказанный моим старым отцом, вспомнил, ружье подальше отложил, [пока] зверь не скрылся [из глаз], сидел. Об этом увиденном мною удивительном звере [я] пожилым людям рассказал: “Все-таки такие звери бывают, это редкие существа земли”, — сказали [они]”¹.

Тувинские охотники верят тому, что некоторые животные обладают особыми качествами или сакральной силой. Убивая такое животное, охотник может стать нарушителем закона тайги и вызвать негативные последствия как для себя, так и для своих близких².

Мы видим, что фольклор показывает нам и описание регулярности занятий охотой у тувинцев, даже при наличии у них скота; и наличие специальных жанров благопожеланий охотников, с которыми он обращается к духам земли за покровительством во время охоты. В мифах и легендах про охотников также акцентируются важные аспекты охотничьей культуры, такие как мужество и мудрость. В них содержатся моральные нормы, связанные с уважением к животным и родной земле.

Таким образом, фольклор является важным средством сохранения и передачи знаний охотничьих традиций тувинского народа.

Охота в литературе

Учитывая все вышесказанное, становится очевидным, что и тувинская литература будет выражать и ценную этнографическую информацию об охоте, и передавать особую эстетику этой деятельности, отношение человека к природе, к животным, его чувства, эмоции.

Важное место в тувинской прозе занимают охотничьи рассказы. Образ охотника и его род деятельности в них является сюжетообразующим элементом. Он обладает глубоким символом, отражающим менталитет и жизненные ценности народа.

В тувинских прозаических произведениях часто главными героями являются мальчики, воспитанные в традициях предков. В них мы часто прослеживаем их повседневный труд, связанный с укладом жизни, пронизанный обычаями и традициями охотников. Например, они с малых лет умеют ездить верхом на коне, ловить мышей и птиц на силки, а став постарше, они умеют добывать пищу в виде пойманного зайца, лисы и других мелких зверей.

В произведении М. К. Мендуме «Тайганың ээзи» ('Хозяин тайги') собраны разные истории, основанные из воспоминаний известного тоджинского охотника Бараан Хуреңовича Мырлаа. Повествование ведется от имени первого лица, рассказчиком выступает охотник. Охотник рассказывает, что он начал охотиться еще в детстве.

¹ Мифы, легенды, предания тувинцев ... С. 142.

² Кол Тагир Комисович, 1966 г.р., прож. в с. Адыр-Кежиг Тоджинского района.

Далее представляем отрывок из рассказа потомственного охотника Б. Мырлаа о себе:

Мен 1893 чылда Өдүген тайганың Хүндем деп черге төрүттүнген болган мен. Эң баштайында-ла чеди харлыымда, адамның багай чактыр боозу-биле иргек өлүрген кижин мен¹.

‘Я, как оказалось, родился в 1893 году в местечке Хундем вблизи тайги Одуген. В первый раз, когда мне было семь лет, из кремневого оружия моего папы убил большого медведя (самца)’².

Из воспоминания охотника нам становится известно, что его первой добычей стал иргек ‘большой медведь-самец’. Примечательно то, что даже самый опытный человек в части охотничьего промысла воздерживается прямо сказать о медведе, а использует в речи эвфемизм. Отсюда видно уважительное отношение тувинского охотника к объекту охоты.

В рассказе «Баштайгы олчам» (‘Моя первая добыча’) из цикла рассказов К.-Э. Кудажи в цикле рассказов «Таңды кежи» (‘Таежные дары’) повествуется о мальчике, который в первый раз с помощью силка смог поймать свою первую добычу:

Капканы салырын салып кааш, эртен кезерин уттуп алган мен. Ындыг аңчы канчап турар боор. Ам бодап көөрүмге, чөгөнчиг-ле турган-дыр мен.

Мал-маганны одарже үндүрүпкен соонда, авам мырыңай дүшүте барбага харлап чорааш алгыра берди:

— Оглум, Кызыл! Дуу хая баарында бир куш ужуп чадап турар кандаай чүвөл?

Дүүнгү какпамны сакты хонуп келгеш, дөштү өрү ужа-тура маңнап-ла үндүм. Көк суг дүштүм, хөрээм ханзып чор. Чүү деп чоор ол, чүзү-кандыызы, чалгынныг кужу-даа хамаан эвес, баштайгы олчам ышкажыл!³

‘Поставив капкан, на завтрашний день забыл их проверять (обходить). Какой с меня охотник может вырости. Вот теперь думаю, никчемный был я тогда человек.

После того, как вывела скот на пастбище и собирала снег в тару, мама кричала [мне]:

— Сынок, Кызыл! Почему перед той скалой не может взлететь птица?

Я вспомнил свой вчерашний капкан, падая и вставая, побежал вверх по подъему. Насквозь промок, ощущаю запах крови в груди. Кто же это, кто попал в мой капкан, пусть даже он будет птицей, как никак это моя первая добыча!’⁴

В жизни каждого начинающего охотника *эң баштайгы олчазы* ‘самая первая добыча’ выступает как символ независимости и самостоятельности, поскольку охотник сам может себя обеспечить пищей. В данном отрывке мальчик радуется своей добыче, не зная даже кто попался в капкан.

Один из основоположников и классиков тувинской литературы, народный писатель Тувы С. А. Сарыг-оол, родом из знаменитого с. Дус-Даг Овюрского кожууна, в 1942 г. написал на военную тему повесть «Белек» (‘Подарок’). Будучи носителем центрального диалекта, автор написал ее на уникальном диалекте тувинцев-тоджинцев. Для воспроизведения самобытности и местного колорита, писателем использовано много слов и оборотов из народной разговорной речи таежных тоджинцев. Часть из них неизвестны даже жителям речного говора тоджинского диалекта тувинского языка⁵, не говоря уже о носителях из других диалектов. Все это подтверждает мысль о самобытности языка автора.

В повести рассказывается о жизни и быте обычной семьи оленеводов, о промысловой охоте и красоте природы. Вся семья, начиная от бабушки и заканчивая семилетним сыном, занимается охотой в далекой труднодоступной живописной тайге Тоджинского кожууна. В центре повествования — охотница Илдирмаа. Она проводит много дней и ночей одна в глухой тайге, встречается на своем пути много преград. Вернувшись к себе на стойбище, она всю свою добычу отправляет на фронт. Ее сын семилетний Адыгжы, следуя примеру матери, также решает отдать свою первую добычу командиру Красной Армии:

¹Мендуме М. К. Тайганың ээзи [Хозяин тайги]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1965. С. 12. (На тув. яз.).

²Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

³Кудажи К.-Э. К. Таңды кежи [Таежные дары]. Рассказы. Кызыл, 1984. С. 7.

⁴Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

⁵Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1974. С. 17.

Мен дилгим кежи-биле Кызыл Шеригниң улуг командиринге... демги ол кижиге тудуп чиир бачыттарның бажын орта согар... кончуг эзир дег ужар-хеме сатчып бээр мен – деп, Адыгжы эрни сүүрере берген, улусту долгандыр коргуткан чүве дег холу-биле имнеп туруп чугаалаан¹.

‘Этой лисьей шкурой я помогаю старшему командиру Красной Армии... купить самолёт, который, как грозный орел, будет бить по головам этих грешников, пожирающих людей – сквозь губы проговорил Адыгжы, взмахивая руками и как будто приводит в трепет окружающих’².

Из примера видно, что даже маленький охотник ради победы Красной Армии готов пожертвовать своей первой добычей. В основе поступка маленького героя лежит традиция тувинского народа *олча-ны үлежири*³ ‘делиться добычей’ с другими.

С. А. Сарыг-оол в своем романе-дилогии «Аңгыр-оолдун тоожузу» (‘Повесть о светлом мальчике’), называемой «энциклопедией тувинской жизни»⁴, описывает быт маленького героя Аңгыр-оола на мелких зверей, в том числе и рыб.

Вот один из эпизодов, где сам герой подробно описывает момент ловли рыбы:

Ары-Амырактың чамдык хемнеринде ногаан-өле, кызыл-сарала болгаш мөген-кара кадыргылар бар. Олар ээремге чемнеп азы улуг ос алдынга доктаап, чакпа чайып турда, чаражын чүү дээр ону, көрүп мага ханмас сен! Чай шагда мээң бир дөскөл чок кылыр ажылым — балыктаары. Кармаам-даа чок. Чүгле хыл дузактарым бар. Мээң хах чүвүрүм инчинге, бети дизе-ле, беш дузак ыяавыла чоруур.

Балыктаар дээш улуг-бичии хемнер кыдыы эдерип, эриктерден ээремнер хараар. Хемнер, суглар унун, моондактар тырылган хос озаңнар алды бакылаар, шала бичежек адырык дамырак, бугалар уннарынга болза элдер, чавыттар алдынге холду суп алгааш, манаар. Кадыргы шимчеш дээрге-ле, бүткүр бодум чымырткайнып, чүрээм согары безин бир янзы өскерли бээр. Кандыг-ла-бир тода чугаалаттынмас таалап ханар, көрүп-ле туруксаам келир хандыкшылым бар⁵.

‘В некоторых реках местечки Ары-Амырак водятся великое множество рыбы: зеленоватые, красноватые, желтоватые и черные хариусы. Они, когда кормятся в омуте или плескаются под обрывом, очень красиво смотрятся, невозможно оторвать глаз от них. В летнее время мое шаловливое занятие – рыбалка. У меня нет даже удочки. Есть только петли из конского волоса. Но довольно часто на ремешке моих брюк из выделанной тонкой козьей кожи висело по пять-шесть силов для ловли рыбы. Выручала меня собственные ловкие руки, сноровка и терпение.

Прежде чем начать рыбалку, я внимательно изучал, где может кормиться рыба — все углубления и ямы в русле речки. Если берег был отвесный и невысокий, я ложился и, опустив в воду руки, ждал. Только замечу движение хариуса — весь напрягусь, сердце заколотится в груди, а кровь прихлынет к лицу... Следя за рыбками, я уносился мечтами куда-то далеко, в иной, прекрасный, неведомый мир...’⁶

Приведенный пример показывает умения и навыки маленького рыболова, «рисует» красоту подводного мира, главный акцент при этом делает на цветовую гамму рыб (зеленоватые, красноватые, желтоватые и черные хариусы) и на их месторасположение.

В этом отрывке использовано несколько художественных образов. Автор описывает конкретные действия и места, чтобы помочь читателю визуализировать сцену. Он упоминает «углубления и ямы в русле речки», а также «отвесный и невысокий берег». Это помогает создать яркий и живой образ, описываемой сцены. Чтобы описать свои чувства во время рыбалки автор использует метафору «сердце заколотится в груди, а кровь прихлынет к лицу», которое помогает читателю понять, насколько волнующим и захватывающим может быть это занятие. Использование метафоры «я уносился мечтами куда-то далеко, в иной, прекрасный, неведомый мир» показывает, как автор через рыбалку погружается в свои мысли и мечты, открывая для себя новые горизонты.

¹ Сарыг-оол С. А. Чогаалдар чыындызы [Собрание сочинений]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1988. С. 430. (На тув. яз.).

² Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

³ Монгуш Ш. В. Лексико-фразеологическое поле аңнаашкын ‘охота’ в тувинском языке: лингвокультурологическая интерпретация: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2024. С. 84.

⁴ Калзан А. К. Восхождение к высотам // Улуг-Хем. 1969. № 10. С. 191–196.

⁵ Сарыг-оол С. А. Аңгыр-оолдун тоожузу [Повесть о светлом мальчике]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 292. (На тув. яз.).

⁶ Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

В числе художественных произведений особое место занимают сборники рассказов о разных историях и приключениях охотников.

В сборнике рассказов Э. Л. Донгак «Чолдак-Аңчының чугаалары» ('Рассказы охотника Чолдак-Анчы (невысокий охотник)') собраны интересные истории охотников, основной тематикой которых является охрана окружающей среды:

Маңаа, Кара-Хөлге аң-мең чоокка чедир кончуг хэй турду. Мырыңай өдөккө безин кирип келир. Мал-маган-биле таваар одарлап чоруурлар. Сөөлгү үеде кижилер кайы хамаанчок аңнап туруп бээрге, оларның саны эвээжээн. Ынчангаш маңаа чөпшээрел чок аңнаарын хоруп каан¹.

‘Здесь, в Кара-Холе, до недавнего времени зверей было очень много. Даже в пастбище заходили. Спокойно паслись со скотом. В последнее время из-за небрежного отношения людей их количество падает. Поэтому здесь запрещена охота без разрешения’².

Повесть Салчака Тамба «Амыргалаар» отличается философскими идеями и взглядами, в котором прослеживается тесная связь главного героя с природой. Главный герой повести — охотник Сергелең по прозвищу Амыргалаар. Слово *амыргалаар* ‘приманивать дудкой / рожком зверей’ образовано от существительного *амырга / авырга* ‘дудка, рожок (для приманивания маралов)’ путем присоединения к его основе словообразовательного аффикса *-ла*³.

Мудрый и опытный охотник Амыргалаар проявляет глубокую заботу о природе и ее обитателях. Он стремится сохранить гармонию с окружающей средой, его любовь к флоре и фауне проявляется в каждом его действии. Окружающие его любят и уважают, высоко ценят его знания и опыт. Иногда, когда приходит время решать какой-то серьезный вопрос, молодые охотники обычно сидят в тишине, ожидая, пока старший охотник Амыргалаар не выскажет свою точку зрения, это подтверждается следующим предложением:

Баштың аңчыны аажок хүндүлээр бис, ынчангаш-ла боор, «мен» дээр кижиге чок, ыржым апарган болгаш, чүглө суугуда от хүүгейндир хып чыткан⁴.

‘Мы очень уважаем старшего охотника, поэтому никто не осмелился сказать «я [пойду]», наступила тишина, и только в печи шумно горел огонь’⁵.

Амыргалаар время от времени дает наставления молодым охотникам:

Аңны чүглө адып билир эвес, ажаап, өстүрүп база билир болдур ийин, Коля! — деп, Амыргалаар өөреникчизинге «тайга номуңуң» эгелерин угаадып чораан⁶.

‘Зверя не только нужно уметь убивать, но и важно уметь ухаживать за ними и способствовать их росту, Коля! — Амыргалаар наставлял своему ученику главы «таежной книги»’⁷.

В повести выделяется мысль, что знания и навыки опытного охотника, зафиксированные в *тайга ному* ‘книге тайги’ являются «путеводителем по тайге», ценным источником знаний для молодого поколения. Это подчеркивает важность передачи традиционных знаний и навыков от одного поколения к другому, сохраняя и бережно передавая мудрость и опыт предков.

Произведение также отражает важность уважения к наставникам и традициям охоты, подчеркивая их значимость в командной работе. Старший охотник делится своим богатым опытом, а молодые охотники ожидают его указаний, следуя установленной иерархии:

Боолаар чүве болза, мырыңай бо, оларның олурарының эптииң канчаар! Ынчалза-даа Коля улуг аңчының командалы чокка боо чаза тутпас⁸.

¹ Донгак Э. Л. Чолдак-Аңчының чугаалары [Рассказы охотника Чолдак-Анчы]. Рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1982. С. 12. (На тув. яз.).

² Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

³ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 33.

⁴ Тамба С. О. Амыргалаар. Повесть и рассказы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. С. 15.

⁵ Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

⁶ Там же. С. 127.

⁷ Перевод выполнен авторами статьи. — *Авт.*

⁸ Там же. С. 134.

‘Вот они на совсем близком расстоянии, как они удобно расположились, надо только выстрелить! Однако Коля, соблюдая охотничью иерархию, не может и не имеет права стрелять без команды старшего охотника’¹.

В целом, центральной идеей повести «Амыргалаар» является необходимость сохранения дикой природы и передача этих ценностей молодому поколению. Автор подчеркивает важность гармонии с природой и уважительного отношения к животному миру. Это отражается в образах и поступках героев, которые демонстрируют уважение к животным и понимание их роли в экосистеме. В повести также прослеживается идея о необходимости обучения молодого поколения этикету охоты и важности сохранения биоразнообразия для будущих поколений.

В тувинской литературе есть также произведения, где повествуется об охотниках-любителях, для которых тайга — это место для уединения, где можно не только прогуляться и отдохнуть, но и насладиться красотой природы. Эта тема раскрывается в повести Салима Сурун-оола «Ак-Төш» («Ак-Тош»). Приведем отрывок из нее:

Мооң мурнуу чарында тайга чораан кижил мен. Үш борбак дииң эккелген мен. Ону боду билир кижил. Ынчалза-даа кижим кыңчыктырар боор бе. “Куруг-иштиң хамаан бе. Агаарлап-даа алгай-ла. Дүрген кеттин. Черге чырыкта чедип аар-дыр”² диди.

‘Не так давно я был в тайге. Принес всего лишь три белки. Он сам знает об этом, но все равно настаивал: “Неважно, вернемся ли мы с добычей или без нее. Можем просто отправиться на прогулку. Давай одевайся побыстрее. Нужно добраться до нужного места пока светло”³.

Из приведенных выше примеров произведений тувинских писателей можно сделать вывод, что охота в тувинской литературе занимает особое место. Через охоту художники слова передают свою любовь к родной земле, уважение к традициям и обычаям предков, а также бережное отношение к окружающей среде. В рассматриваемых произведениях видим не только описание процесса охоты, но и философские размышления о жизни, смерти и месте человека в бескрайнем мире.

Заключение

Мы показали, что тема охоты занимает особое место и в самой деятельности тувинцев, и в их фольклоре, в литературе. Более того, она породила и особые жанры, разнообразие литературных произведений.

Упоминания охоты, благопожелания, связанные с охотой, подразделяются на разные виды, такие как до охоты и после нее. Каждая из них имеет свои особенности и значение. До охоты традиционно охотники пожелают удачу, отличного выстрела, благоприятной погоды, а после охоты принято благодарить «хозяина тайги» за полученный дар.

В тувинской литературе охота представляет собой многогранный объект, который позволяет глубже понять не только культурные особенности народа, но и общечеловеческие ценности, такие как уважение к природе и гармония с окружающим миром. Тувинские писатели мастерски изображают охоту, передавая её детали конкретно и красочно, используя живые образы и выразительные описания. Их произведения изобилуют примерами увлекательных приключений охотников. Главными героями охотничьих рассказов тувинских писателей становятся как опытные охотники, мудрые наставники, так и совсем юные охотники. Их отношения показаны через наставления, поучения.

В целом, охота как отдельная тема в тувинской культуре еще ждет дальнейшего расширенного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айыжы, Е. В., Монгуш, А. М. (2020) Охотничьи традиции тувинцев: этнографический аспект // Oriental Studies. № 5. Т. 13. С. 1359–1370. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370>

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Издательство восточной литературы. 217 с.

¹ Перевод выполнен авторами статьи. — Авт.

² Сурун-оол С. С. Ак-Төш. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1991. С. 3. (На тув. яз.).

³ Перевод выполнен авторами статьи. — Авт.

- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 316 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников Центра Азии. М. : Наука. 226 с.
- Даржа, В. К. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 590 с.
- Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань : Типо-лит. Имп. Казанского ун-та. 775 с.
- Кон, Ф. Я. (1936) За пятьдесят лет. 2-е изд. / отв. ред. М. Чечановский. М. : Советский писатель. Т. 3–4. 356 с.
- Кормушин, И. В., Ооржак, А. Ч. (2024) О названиях охотничьих мешков в тувинском языке и его диалектах // Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире. № 3. С. 10–18.
- Куулар, Е. М. (2016) Лексика традиционных орудий и способов ловли в диалектах тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (66). С. 125–127.
- Куулар, Е. М. (2018) Эвфемизмы в охотничье-рыболовной лексике тувинского языка // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 26. С. 49–51.
- Ломакина, О. В. (2022) Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. № 9 (467). С. 133–140.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 401 с.
- Радлов, В. В. (1861) Образцы народной литературы тюркских племен. СПб. : Академия наук. 419 с.
- Салчак, В. С., Монгуш, Б. Б., Баярсайхан, Б. (2010) Тываларның аңныр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер [Некоторые сведения об охотничьем хозяйстве тувинцев]. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 80 с. (На тув. яз.).
- Сат, Ш. Ч. (1981) Табу и эвфемизмы в тувинском языке // Советская тюркология. № 5. С. 42–45.
- Сувандии, Н. Д. (2013) Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы. №1. С. 72–79.
- Сувандии, Н. Д. (2016a) Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–2 (59). 2016. С. 81–36.
- Сувандии, Н. Д. (2016b) Обычаи и традиции в охотничьей лексике тувинцев // Казанская наука. № 9. С. 68–71.
- Сувандии, Н. Д., Куулар, Е. М. (2015) Охотничья лексика в тувинском языке и его диалектах // Казанская наука. № 11. С. 191–193.
- Чадамба, З. Б. (1974) Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 136 с.
- Юша, Ж. М. (2007) Роль словесных компонентов охотничьих в обрядах тувинцев // Ученые записки / ТИГПИ. Кемерово : Кемеровский государственный институт культуры. Вып. XXI. 408 с. С. 163–173.

Дата поступления: 20.04.2025 г.

Дата принятия: 20.05.2025 г.

REFERENCES

- Ayzhi, E. V., Mongush, A. M. (2020) Hunting traditions of the Tuvans: an ethnographic aspect. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 5, pp. 1359–1370. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-51-5-1359-1370>
- Vainshtein, S. I. (1961) *The Tuvans of Todzha: Historical-ethnographic essays*. Moscow, Izdatelstvo vostochnoi literatury. 217 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1972) *Historical ethnography of the Tuvans: Problems of nomadic economy*. Moscow, Nauka. 316 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1991) *The world of nomads of Central Asia*. Moscow, Nauka. 226 p. (In Russ.)
- Darzha, V. K. (2009) *Traditional male occupations of the Tuvans*. Vol. 1: *Economy. Hunting. Fishing*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 590 p. (In Russ.)
- Katanov, N. F. (1903) *A study of the Uryankhai language with an indication of its main relationships to other Turkic languages*. Kazan: Tipo-lit. Imperatorskogo Kazanskogo universiteta. 775 p. (In Russ.)
- Kon, F. Ya. (1936) *Fifty years*. 2nd ed. / ed. by M. Chechanovsky. Moscow, Sovetskii pisatel'. Vols. 3–4. 356 p. (In Russ.)
- Kormushin, I. V. and Oorzhak, A. Ch. (2024) On the names of hunting bags in the Tuvan language and its dialects. *Rodnye yazyki i kultury v sovremennom izmenyayushchemsya mire*, no. 3, pp. 10–18. (In Russ.)

- Kuular, E. M. (2016) The lexicon of traditional tools and methods of trapping in the dialects of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12(66), pp. 125–127. (In Russ.)
- Kuular, E. M. (2018) Euphemisms in the hunting and fishing lexicon of the Tuvan language. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, no. 26, pp. 49–51. (In Russ.)
- Lomakina, O.V. (2022) Omen as text of culture in the study of the languages of the peoples of Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (467), pp. 133–140. (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1969) *Sketches on the folk life of the Tuvans*. Moscow, Nauka. 401 p. (In Russ.)
- Radlov, V. V. (1861) *Samples of Turkic folk literature*. St. Petersburg: Akademiya nauk. 419 p. (In Russ.)
- Salchak, V. S., Mongush, B. B. and Bayarsaikhan, B. (2010) *Some information about the hunting economy of the Tuvans*. Kyzyl, Tipographiya KTSO "Anyak". 80 p. (In Tuvan).
- Sat, Sh. Ch. (1981) Taboos and euphemisms in the Tuvan language. *Sovetskaya tyurkologiya*, no. 5, pp. 42–45. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2013) Hunting lexicon in the Tojin dialect of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 72–79. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2016a) Taboos and euphemisms in the hunting lexicon of the Tuvan language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5–2(59), pp. 81–36. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. (2016b) Customs and traditions in the hunting lexicon of the Tuvans. *Kazanskaya nauka*, no. 9, pp. 68–71. (In Russ.)
- Suvandii, N. D. and Kuular, E. M. (2015) Hunting lexicon in the Tuvan language and its dialects. *Kazanskaya nauka*, no. 11, pp. 191–193. (In Russ.)
- Chadamba, Z. B. (1974) *The Tojin dialect of the Tuvan language*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 136 p. (In Russ.)
- Yusha, Zh. M. (2007) The role of verbal hunting components in the rituals of the Tuvans. *Uchyonye zapiski / TIGPI*. Kemerovo, Kemerovskij gosudarstvennyj institut kultury. Vol. XXI. 408 p. Pp. 163–173. (In Russ.)

Submission date: 20.04.2025.

Acceptance date: 20.05.2025.